

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2023. 18(4): 1960-1969
 DOI: 10.13187/bg.2023.4.1960

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Russian Empire and the Muslim Population of the North Caucasus in the 2nd half of the 19th century: Problems and Successes of Integration

Evgenii A. Avdeev ^{a, *}, Aleksey M. Erokhin ^a, Sergej M. Vorobev ^a

^aNorth-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Abstract

In the second half of the 19th century, the process of formation of Russian state institutions continued in the North Caucasus, state control over Muslims was strengthened and the quality of governance was improving. The article discusses the features of government administration of the mountainous Muslim peoples of the Caucasus. The main approaches to Islam that had developed by the mid-19th century in the imperial authorities, government policies and specific management decisions of the Caucasian administration are analyzed. The authors draw on a wide range of research and archival materials. Despite the lack of a unified approach to confessional policy and the refusal to form a separate religious organization of North Caucasian Muslims, a relatively effective system of public administration is emerging in the region. The administration's actions are based primarily on the principle of religious tolerance and the incorporation of Muslim clergy into the Russian elite; measures are being taken to ensure and respect the religious rights of Muslims and counteract destabilizing foreign influence. Among the mountain elites, the desire for integration and loyalty to the empire is increasing, which is manifested in increased interest in Russian education, culture, military and civil service.

Keywords: Russian Empire, North Caucasus, Muslim population, Muslim clergy, public administration, Caucasian administration, integration.

1. Введение

Во второй половине XIX века началась активная интеграция горских народов в Российскую империю. Это был сложный этап изменения традиционного социокультурного уклада народов Северного Кавказа посредством установления новых государственных правил и формирования системы администрирования. Последние отличались от принципов самоуправления народов, имели иерархию и системность. В ходе Великих реформ в регионе была окончательно сформирована система государственного управления, единое правовое пространство, активизировались хозяйственно-экономическое взаимодействие и культурные связи. Усилилась тенденция к объединению разрозненных народов в единое экономическое и социокультурное пространство, расширилась сфера общественных, культурных и личных контактов русского и горских народов.

Это было время активного взаимодействия с мусульманскими народами Кавказа, повышения интереса к исламу, что привело к изучению данной религии и актуализации вопросов управления в мусульманских регионах Российской империи. Начался активный процесс формирования научной школы востоковедения и исламоведения в Санкт-Петербурге и миссионерской – в Казани. В середине XIX в. при Кавказских наместниках работали и служили известные востоковеды: Н.В. Ханьков, написавший ряд трудов по географии и этнографии края, Н.Е. Торнау, внесший большой вклад в изучение мусульманского права.

* Corresponding author

E-mail addresses: ewg.avdeev@yandex.ru (E.A. Avdeev)

Во второй половине XIX в. конфессиональная идентичность на Северном Кавказе являлась, наряду с этнической (родовой), одной из основных групповых идентичностей. К концу XIX в. она становится одной из составляющих формирующегося этнического (национального) самосознания горских народов. На Северном Кавказе доминирующее положение занимает ислам суннитского толка. В 1886–1890 гг. наибольшее число мусульман проживает в Дагестанской области — 577,3 тыс. человек или около 98,5 % населения. В Терской области — 446,5 тыс. мусульман (49,8 %), в Кубанской области — 107,5 тыс. (7,6 %), в Ставропольской губернии — 43,8 тыс. (6,8 %), в Черноморском округе — 1,4 тыс. (7,7%) (Цуциев, 2006: 42-43) (см. Рисунок 1).

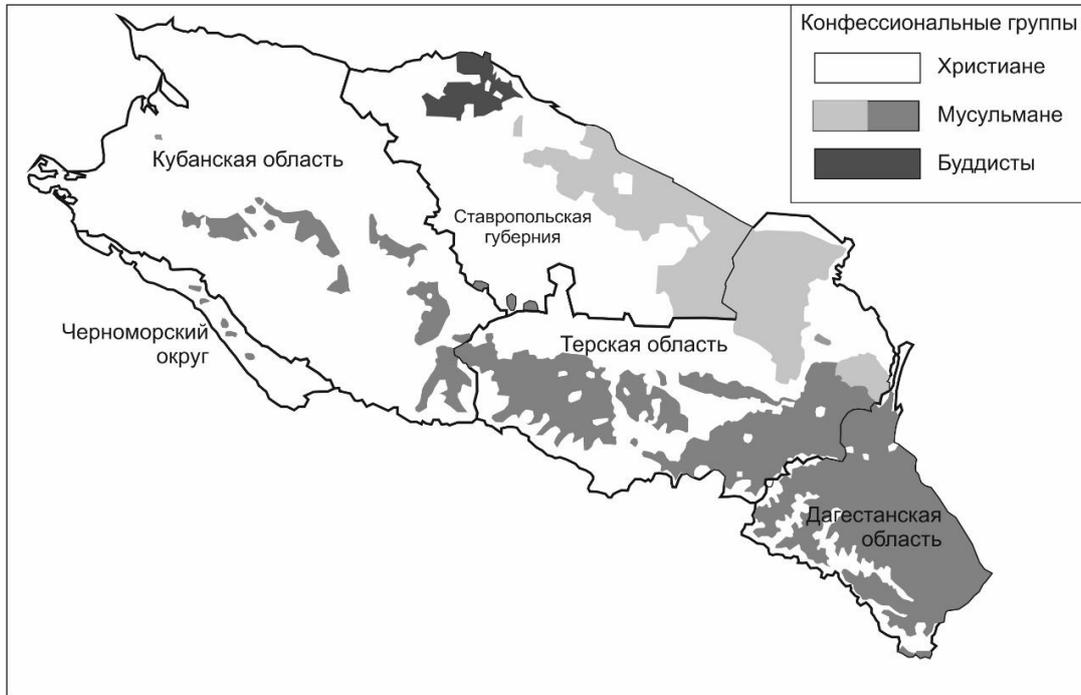

Рис. 1. Конфессиональная карта Северного Кавказа в 1886–1890 гг.

В процессе интеграции Северного Кавказа происходило сложное формирование межцивилизационного взаимодействия русского православного и мусульманских народов, которое сопровождалось этнокультурными объединениями и локальными конфликтами. Оно может быть охарактеризовано как диалог, в котором происходили отстаивание и распространение наиболее значимых цивилизационных оснований: религии, культуры и языка, определяющих основы образа жизни, социального строя и форм хозяйствования различных народов. В ходе диалога происходило сопоставление «своих» и «других» ценностей, вычленение из них наиболее значимых для формирующейся новой российской цивилизационной общности на Северном Кавказе. В целом Кавказ исторически являлся зоной фронта, взаимодействия и взаимовлияния христианского, исламского и языческого миров. В XIX в. эта зона, значительно отличаясь от других многонациональных и фронтальных регионов Российской империи, полностью оформилась в качестве пограничья русского мира. Это требовало новых стратегий, управленческих практик и подходов взаимодействия с мусульманскими горскими народами.

2. Материалы и методы

Основной задачей стало рассмотрение особенностей социокультурной интеграции горских мусульманских народов в Российскую империю через призму государственной политики и управленческих решений кавказской администрации. Статья опирается на широкий круг исторических публикаций. Были рассмотрены многочисленные исследования по истории, этнографии и жизни горских народов Кавказа, а также материалы Центрального государственного архива РСО-А (Владикавказ, Российская Федерация), Центрального государственного архива КБР (Нальчик, Российская Федерация), Центрального государственного исторического архива Грузии (Тбилиси, Грузия), Государственного архива Краснодарского края (Краснодар, Российская Федерация).

Исследование опиралось на принцип историзма, предполагающий рассмотрение проблемных вопросов в ходе их развития, обусловленного процессами становления России на Северном Кавказе, а также сложным взаимодействием православных и мусульманских народов. Комплексный подход позволил сочетать историко-архивный и цивилизационный анализ в контексте проблем организации государственного управления среди мусульманских народов. Посредством историографического и

историко-системного анализа была рассмотрена политика Российской империи по социокультурной интеграции мусульман на основе принятия государственных решений, управленческих практик по их реализации и реакции на них мусульманского населения. Сложный и многоаспектный характер взаимодействия горцев-мусульман Северного Кавказа и российской администрации во многом объясняется в рамках фронтирного подхода к формированию кавказского пограничья.

3. Обсуждение

Ислам на Северном Кавказе становится предметом изучения отечественных исследователей еще в первой половине XIX в. При этом авторы большинства работ того периода рассматривали проблематику взаимодействия горцев-мусульман с Россией в фокусе имперской политики и русского православного мессианства. Например, военный историк П.П. Зубов писал о необходимости «озарив светом христианства, представить им — северокавказским горцам (*прим. авт.*) — весь ужас их положения и те бесчисленные выгоды гражданственности, которые ожидают их, когда они добровольно покорятся могущественной России...» (Зубов, 1834–1835: 90). Российский чиновник и литератор В.А. Соллогуб подчеркивал, что «наше владычество на Кавказе не есть завоевание, но крест..., пылавший в старину не ради хлеба и одежды, а ради священных верований...» (Соллогуб, 1856: 30). Многочисленные материалы по истории, этнографии и жизни горских народов Кавказа в первой половине XIX в. были собраны и опубликованы основоположниками русского востоковедения М. Казем-Бекем и Ф.Ф. Торнау (Казем-Бек, 1985; Дзидзария, Ф.Ф., Торнау, 1976). Военный историк второй половины XIX в. В.А. Потто, описывая период Кавказской войны с начала XIX в. по 1831 г., рассматривает ее причины через призму горской воинственности и религиозного фанатизма (Потто, 1887–1889).

Изучение ислама в Российской империи способствовало формированию на официальном уровне менее благоприятного отношения к нему, некоторому ужесточению конфессиональной политики (Werth, 2001). Так, в 50-70-х гг. XIX в. во властных и военных кругах начинают преобладать сторонники игнорирования мусульманской духовной элиты. Подвергалась критике политика Екатерины II, направленная на упрочение влияния и контроля государственной власти над мусульманским населением посредством формирования официальных организаций российских мусульман. Сближение исламского и православного населения, по мысли большинства государственных деятелей второй половины XIX в., должно было происходить посредством светского просвещения и распространения русского языка (Овчинникова, 2013: 324). Второй подход, развивавшийся прежде всего в Министерстве внутренних дел, напротив, предполагал целенаправленную работу по продолжению политики централизации и контроля за деятельностью исламского духовенства и населения путем включения их в государственные организации разного уровня. Следует подчеркнуть, что отдельный муфтият для мусульман региона сформирован не был, вопросы управления исламским населением решались ситуативно военными властями.

В советской историографии проблематика взаимодействия горцев-мусульман и имперской администрации рядом историков рассматривалась с позиций национально-освободительного подхода в рамках «антифеодальной» и «антиколониальной» борьбы, при этом лидеры и мотивы сопротивления горских народов российским властям зачастую идеализировались (История народов..., 1988). Большой вклад в исследование отношений между казаками и горцами внесли историки ростовской школы, созданной А.П. Пронштейном (Дон и Северный Кавказ..., 1972).

Исследования ряда зарубежных историков посвящены рассмотрению сопротивления горцев-мусульман российской имперской политике (Gammer, 1994; Barrett, 1994). Включение этих народов в Российскую империю рассматривалось в парадигме колониальной экспансии и антиколониального сопротивления исламского населения (The North Caucasus Barrier..., 1992).

На сегодняшний день проблематика исламизации горских народов Северного Кавказа и взаимодействия имперской администрации с мусульманскими общинами остается недостаточно исследованной. Большинство статей посвящено отдельным народам и областям, ряд работ имеет идеологизированный характер. В постсоветский период большое внимание было уделено политическому исламу, его радикальным и фундаменталистским направлениям (Шамаев, 2015: 38). Рассмотрение позитивного влияния ислама на жизнь и судьбы народов региона проводится в ряде работ В.О. Бобровникова и А.В. Малашенко (Bleikh, 2014: 405). Исследованию планов и действий военной администрации по взаимодействию с горцами в первой половине XIX в., а также проектам «покорения Кавказа» посвящены работы М.М. Блиева (Блиев, 2004). Более полный и сложный взгляд на проблему включения и последующего взаимодействия горцев-мусульман с Российским государством, их активное участие в имперском государственном строительстве, в том числе через поступление на государственную службу, также нашло отражение в некоторых работах (Аликберов и др., 2018).

4. Результаты

К середине XIX в. Северный Кавказ был территорией активного взаимодействия русского православного и горского мусульманского населения, представлял собой в основном фронтирную

контактную зону (Barrett, 1999; Jersild, 2002). Налаживалось сотрудничество кавказской администрации с местными элитами. Шел процесс привлечения горской знати на военную и государственную службу, в том числе и путем включения ее в российское дворянство. Некоторые знатные горцы служили в российской армии на Кавказе, в казачьих частях и даже руководили некоторыми укреплениями Кавказской линии (Аликберов и др., 2018: 102). Увеличение численности терского казачества в период Кавказской войны происходило и за счет включения в его состав мусульман. Однако в последние годы войны и после ее окончания их численность существенно сокращается. Например, в 1821 г. из числа жителей Бабуковского аула, население которого состояло «наполовину из кабардинцев, наполовину из абазин», «постоянный конный отряд» в 1822 г. преобразовали в казачью сотню, а сам аул – в казачью станицу. При этом многие бабуковцы не изъявляли большого желания выполнять все обязанности казачьей службы, неблагонадежными считала их и российская администрация. Уже в 1860 г. был принят указ «О упразднении Бабуковской станицы Кавказского линейного казачьего войска с предоставлением жителям оной из горских выходцев водвориться в Большой Кабарде» (ПСЗРИ. Т. 35: 1860, отд-ние 2: №36204). Бабуковцы были выведены из состава казачества (ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп.1. Д. 12. Л. 41). Абазины, жившие при станице Георгиевской, в 1867 г. были исключены из состава казачьих войск и переселились в Кабарду (ЦГА КБР. Ф. Р-1209. Оп. 13. Д. 50. Л. 77–114). В 1870 г. была упразднена станица Кизлярская (ПСЗРИ. Т. 45: 1870, отд-ние 2: №48351). В 1860-е – 70-е гг. численность казаков-мусульман значительно сокращается. В 1888 г. в составе Терского казачьего войска их оставалось 625 человек (0,4 %) (Краткое описание..., 1888: 283).

Взаимодействие православия и ислама на Северном Кавказе, мусульманского населения и российской администрации носило зачастую сложный и противоречивый характер. Значимым фактором было дестабилизирующее зарубежное влияние, разжигавшее межрелигиозную напряженность и фанатизм. Например, Вторая турецко-египетская война 1839–1841 гг. привела к распространению среди части мусульманского населения антироссийских и антихристианских настроений (Гаммер, 1998: 166–167). Все это требовало от российской администрации как усиления контроля за мусульманскими общинами и духовенством, так и мер, направленных на нивелирование внешнего влияния и повышение лояльности мусульман Кавказа Российской империи.

После окончания Кавказской войны начался процесс формирования административно-правовых автономных органов управления мусульманскими горскими народами. Военно-народное управление было создано в Дагестанской области и Черноморском округе. Осуществлялось оно на основе не российских законов, а «народных обычаев и особых постановлений». Судопроизводство над мусульманским населением проходило в ряде случаев по адату и шариату. Горское население сохраняло право свободного вероисповедания, что способствовало частичному сохранению власти мусульманской духовной элиты. Была легализована деятельность кади, введенных в состав народных (горских) судов. Полнота власти была сосредоточена в руках военно-гражданской администрации, которая имела право «употреблять против жителей оружие в случаях, не терпящих отлагательств» (Утверждение русского владычества..., 1901: 437). Правовой основой, определяющей статус мусульман на Северном Кавказе, стал «Устав духовных дел иностранных исповеданий», изданный в 1857 и дополненный в 1896 гг. В дальнейшем происходило укрепление государственного контроля за мусульманским населением региона, при этом представители власти стремились избегать открытой конфронтации с ним. Так, при надзоре за иноверцами Департаменту духовных дел иностранных исповеданий предписывалось придерживаться «принципа полной терпимости, насколько такая терпимость может согласовываться с интересами государственного порядка» (МВД, 1902: 153).

Государственная власть начинает осуществлять непосредственный контроль за деятельностью мусульманского духовенства. Так, избираемый на аульном собрании сельский мулла (эфенди) должен был быть утвержден кавказкой администрацией. Сам мулла при этом освобождался от уплаты налогов и получал из казны определенное содержание (Невская, Кондрашева, 2011: 104). Например, начальник Чеченского округа П.Г. Беллик 29 августа 1857 г. приказывает, чтобы «все аульные муллы явились к старшему Кадию в кр. Грозную для испытания их достоинств». Кроме этого, всем деревням вменялось в обязанность приглашать к себе мулл только после получения ими письменного разрешения от Беллика исполнять в ауле свои обязанности (Ткачев, 1911: 42–43).

Для усиления государственного контроля и повышения качества управления мусульманским населением Закавказья в 1872 г. при поддержке наместника Кавказского великого князя Михаила Николаевича были организованы два муфтията: закавказские магометанские духовные правления шиитского и суннитского учений (ЗМДП). Их создание способствовало усилению централизованного управления мусульманским населением и укреплению лояльности мусульманских священнослужителей. Михаил Николаевич считал, что создание этих муфтиятов будет способствовать улучшению контроля за местными проповедниками и недопущению с их стороны враждебной деятельности, формированию мер по пресечению попыток проникновения в регион мусульманских проповедников из Османской империи и Персии. Создание ЗМДП должно было позволить ограничить «круг действий» мусульманских проповедников, усилить контроль за мусульманскими школами и имуществом, определяющим основу финансовой автономности

мусульманского духовенства (ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 2. Д. 14. Л. 2 об.; Отчет по Государственному Совету..., 1874: 149). Несмотря на высокий уровень веротерпимости, в регионе не существовало равенства ислама и православия. По-прежнему насаждался статус Православной церкви как первенствующей и господствующей (Свод законов..., 1857: 46-70). Только православным священникам предоставлялось право свободного миссионерства (Ширяев, 1907: 7).

Создание закавказских магометанских духовных правлений было направлено на формирование единой вертикальной системы духовной власти в Закавказье от сельского муллы до муфтия. ЗМДП были основаны на принципе коллегиального управления при сохранении пристального контроля со стороны российской гражданской администрации. Правовое регулирование отношений между мусульманами осуществлялось на основе норм шариата. Сельские имамы и кади наделялись рядом управленческих функций. На уровне мечетной общины имам обладал как светской, так и духовной властью. Мусульманскому духовенству вменялось управление местными общинами и обучение в мусульманских школах, а также предоставление данных о количестве мечетей, заключенных браков и смертей. Кади подчинялись губернским медресам и должны были наряду с отправлением судебных функций надзирать за сельскими имамами и вести отчетность. Кандидатуры на должности имама и кади рассматривались на открытых экзаменах, проводившихся на заседаниях медреса (Аликберов и др., 2018: 109-110). Лояльность закавказского мусульманского духовенства обеспечивалась не только пристальным государственным контролем, но и предоставлением ему значительных прав и привилегий. Мусульманское духовенство освобождалось от исполнения казенных повинностей, дети духовных лиц, лояльно осуществлявших свою деятельность 20 и более лет, наделялись правами почетных граждан.

Несмотря на все усилия по формированию единой подконтрольной властям организации мусульманского духовенства в Закавказье, на Северном Кавказе к концу XIX в. удалось сформировать только низший общинный уровень государственной мусульманской администрации. Наместник Кавказа великий князь Михаил Николаевич смог ввести в административно-правовое пространство основную часть мусульманского духовенства (муэдзинов, имамов, кадиев и мударисов). Суфии легализованы не были в связи с тем, что их деятельность рассматривалась властями как потенциально опасная. Подконтрольное государству мусульманское духовенство было невелико. Так, в Дагестанской области оно охватывало лишь 5 % мусульманского населения. Однако после Великих реформ произошел быстрый рост низовых мусульманских институтов на Северном Кавказе. Например, в 1873 г. в Кабарде и Балкарии было 42 медресе, в 1909 г. – уже 105 (Аликберов и др., 2018: 111-112).

В пореформенный период большая часть мечетей и примечательных школ находилась на территории Дагестанской области. В 1915 г. здесь осуществляла свою деятельность 671 примечательная школа, где обучалось 6592 человека. В области было зарегистрировано 1711 квартальных суннитских мечетей и 25 шиитских мечетей (Обзор..., 1916). Юрисдикция ЗМДП распространялась на мусульман Бакинской, Елисаветпольской, Тифлисской и Эриванской губерний. Остальные территории Закавказья и Северного Кавказа не были подведомственны этим правлениям, мусульмане Терской, Кубанской областей и Черноморского округа (с 1896 г. Черноморской губернии) формально были подчинены Оренбургскому магометанскому духовному собранию (ОМДС) (Кавказский сборник..., 2006: 188). При этом ЗМДП суннитского учения в некоторых случаях могло рассматривать дела, поступающие из районов вне его юрисдикции (ЦГИАГ. Ф. 12. Оп. 7. Д. 929. Л. 13). Фактически во второй половине XIX в. связи мусульманского духовенства Северного Кавказа с ОМДС и с ЗМДП были слабыми и нерегулярными (Рыбаков, 2001: 270). Необходимость формирования отдельного северокавказского муфтията осознавалась кавказской администрацией. В 1889 г. главноначальствующим гражданской частью на Кавказе князем А.М. Дондуковым-Корсаковым был предложен проект создания независимого как от ОМДС, так и от ЗМДП духовного правления для мусульман-суннитов Северного Кавказа, однако он не был реализован (Кавказский сборник..., 2006: 191-192). В этот период были разработаны и другие предложения по созданию отдельного муфтията, который позволил бы объединить мусульман региона. Они также были отвергнуты органами центральной власти. Была введена лишь должность при главноначальствующем гражданской частью на Кавказе чиновника по особым поручениям, надзиравшего за деятельностью мусульманского духовенства (Аликберов и др., 2018: 115).

Несмотря на различия в подходах к политике государства, направленной на сближение православного и мусульманского населения Российской империи, а также вопреки популярности среди российских элит идей игнорирования ислама и православного мессианства, в целом во второй половине XIX в. на Северном Кавказе преобладают интеграционные процессы (Erokhin et al., 2023). Действия имперской администрации исходят преимущественно из принципа веротерпимости и инкорпорирования в российскую элиту мусульманского духовенства, а среди мусульман возрастает пророссийская ориентация. Попытки дестабилизировать ситуацию в регионе, предпринимаемые в конце XIX в. из-за рубежа, не получают значительного отклика (ЦИАГ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 1133. Л. 1). По словам наместника Кавказа И.И. Воронцова-Дашкова, мусульманское население было «совершенно равнодушно» как к событиям, происходившим на зарубежном Востоке, так и к отдельным попыткам «проповеди панисламизма и пантюркизма» (Всепоподданнейший отчет..., 1913: 9-10).

Так, И. Гаспринский писал, что «ветви тюрко-татарского племени» становятся нераздельной частью «обширного отечества», а России «в будущем суждено будет сделаться одним из значительных мусульманских государств», сохраняя при этом положение «великой христианской державы» (Гаспринский, 1994: 258). В этот период возрастает лояльность среди мусульман, выражающаяся, в том числе и в желании служить России. В связи с этим в 1864 г. утверждается специальная форма «клятвенного обещания для мусульман, поступающих в военную службу» (ПСЗРИ. Т. 39: 1864, отд-ние 1: №40623). Принимавшиеся в состав российской армии мусульмане давали присягу на Коране, для них предусматривались и особые награды (Хоперская, 1997: 41). В целом военная служба способствует формированию среди горцев-мусульман не только лояльности к государству, но и восприятию России в качестве своего Отечества. Другим значимым фактором, свидетельствующим об их успешной интеграции в российское культурно-цивилизационное пространство, являлся растущий, вопреки желанию некоторых мулл «задержать развитие школьного дела», интерес к получению российского образования. Росту его популярности способствовало также привлечение самих горцев к преподаванию (ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 1229. Л. 78).

Несмотря на значительные успехи политики в области интеграции и обеспечения лояльности к Российской империи горцев-мусульман, следует подчеркнуть ее ограниченный характер. Российское образование, военная и гражданская служба были доступны только узкому кругу горских элит, основная часть населения не была включена в сферу российского государственного и социокультурного влияния, оставаясь в узких рамках своего поселения и общины. Неоднозначной была позиция и части мусульманского духовенства. Несмотря на государственный контроль, сочетавшийся с предоставлением исламским священнослужителям ряда прав и привилегий, имели место и зарубежные дестабилизирующие идеи. Однако в целом влияние зарубежного мусульманского Востока ослабевало. Мусульманское население Северного Кавказа стало воспринимать себя частью большой России. Например, в своем обращении к центральной власти от 1906 г. ряд представителей мусульманской элиты региона заверяют: «Мы, российские мусульмане,... будем служить нашему... царю и его трону так же верно, как служили ему наши отцы и деды» (Бурмистрова, Гусакова, 1976: 35; Шафранов, 1976: 31). Ряд горских обществ выносят приговоры строить мечети «в честь государя императора» (Матвеев, 2002).

Поступающие в высшие и центральные органы государственной власти империи в начале XX в. обращения и предложения расширить доступ к государственной службе, унифицировать систему управления, уменьшить налоговые повинности и ввести в регионе земские учреждения имеют конструктивный и общегосударственный характер (История Дагестана, 1968: 238). К началу XX в. среди горских элит и широких слоев мусульманского населения лояльность к государству и императору, восприятие России в качестве своего Отечества можно считать в основном сформированными. Последующие революционные события и войны подтверждают это. Большинство горцев-мусульман сохраняет лояльность к Российской империи вплоть до ее распада. Государственная политика, в свою очередь, продолжает развиваться в русле укрепления начал веротерпимости и установления свободы вероисповеданий, обеспечения и соблюдения религиозных прав мусульман.

5. Заключение

Взаимодействие горцев-мусульман Северного Кавказа с российской администрацией по завершении Кавказкой войны имеет многоаспектный, преимущественно мирный характер. Действия государственной власти не были результатом последовательной реализации заранее подготовленного курса, зачастую являясь ситуативными, продиктованными субъективными соображениями и предпочтениями царских чиновников. Оформлению завершенной и подконтрольной кавказской администрации религиозной организации северокавказских мусульман мешали предвзятость и игнорирование ислама многими представителями центральной власти. Вторая половина XIX в. – время включения региона в российское государственное и социокультурное пространство. Несмотря на вышеотмеченные недостатки, на местах складывается относительно эффективная система государственного контроля за деятельностью мусульманского духовенства, был реализован ряд мер, направленных на обеспечение его лояльности. Действия кавказской администрации исходят преимущественно из принципа веротерпимости и инкорпорирования в российскую элиту мусульманского духовенства, принимаются меры, направленные на обеспечение и соблюдение религиозных прав мусульман, а дестабилизирующее зарубежное влияние во многом удается купировать. Среди горских элит возрастает ориентация на Россию и лояльность империи, что выражается в повышении интереса к российскому образованию и культуре, увеличивается число желающих поступить на военную службу. Причины сохраняющегося среди мусульманского населения конфликтного потенциала следует искать не столько в деятельности кавказской администрации и просчетах государственной политики, сколько в общей социально-экономической отсталости региона, а также в недостаточном уровне развития системы российского образования. Преодоление этих проблем в реалиях той эпохи было сложно реализуемым.

6. Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00237 «Риски конфликтности трансформации социокультурных оснований идентичности молодежи Северного Кавказа».

The study is supported by Russian Science Foundation. Project No. № 23-28-00237 «Risks of Conflict in the Transformation of the Socio-Cultural Foundations of the North Caucasus Young People's Identity».

Литература

- [Аликберов и др., 2018](#) — *Аликберов А.К., Бобровников В.О., Бустанов А.К.* Российский ислам: Очерки истории и культуры. М.: ИВ РАН, 2018. 456 с.
- [Блиев, 2004](#) — *Блиев М.М.* Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М.: Мысль, 2004. 877 с.
- [Бурмистрова, Гусакова, 1976](#) — *Бурмистрова Т.Ю., Гусакова В.С.* Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России: 1905-1917 гг. М.: Мысль, 1976. 261 с.
- [Всепопданнейший отчет..., 1913](#) — Всепопданнейший отчет за восемь лет управления Кавказом генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. СПб.: Государственная типография, 1913. 36 с.
- [ГАКК](#) — Государственный архив Краснодарского края.
- [Гаммер, 1998](#) — *Гаммер М.* Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. 512 с.
- [Гаспринский, 1994](#) — *Гаспринский И.* Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина / В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. В 2 ч. Ч. 1. М.: Наука, 1994. С. 297-259.
- [Дзидзария, 1976](#) — *Дзидзария Г.А. Ф.Ф.* Торнау и его кавказские материалы. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976. 130 с.
- [Дон и Северный Кавказ..., 1972](#) — Дон и Северный Кавказ в советской исторической литературе: сб. ст. / отв. ред. А.П. Пронштейн. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1972. 154 с.
- [Зубов, 1834–1835](#) — *Зубов П.* Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель; в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. В 4 ч. СПб.: Тип. К. Вингебера, 1834–1835. Ч. 3.
- [История Дагестана, 1968](#) — История Дагестана. Т. 2. М.: Наука, 1968. 368 с.
- [История народов..., 1988](#) — История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). Отв. ред. Нарочницкий А.Л. М.: Наука, 1988. 659 с.
- [Кавказский сборник..., 2006](#) — Кавказский сборник. М.: Русская панорама, 2006. Т. 3(35). 384 с.
- [Казем-Бек, 1985](#) — *Казем-Бек М.* Избранные произведения. Баку: Элм, 1985. 420 с.
- [Краткое описание..., 1888](#) — Краткое географическо-статистическое описание Терского казачьего войска // Терцы. Сборник исторических, бытовых и географическо-статистических сведений о Терском казачьем войске / Сост. А. Ржевуский. Владикавказ: Тип. Терского обл. Правления, 1888. С. 279-287.
- [Матвеев, 2002](#) — *Матвеев В.А.* Сепаратизм на Северном Кавказе: границы явления на рубеже XIX–XX вв. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002. 30 с.
- [МВД, 1902](#) — Министерство внутренних дел: Исторический очерк. 1802–1902. СПб., 1902. 225 с.
- [Невская, Кондрашева, 2011](#) — *Невская Г.А. Кондрашева А.С.* Власть и реформы на Северном Кавказе (конец XVIII – начало XX вв.). Ставрополь: СевКавГТУ, 2011. 392 с.
- [Обзор..., 1916](#) — Обзор Дагестанской области за 1915 г. Темир-Хан-Шура, 1916.
- [Овчинникова, 2013](#) — *Овчинникова Е.В.* Образование мусульман: взгляды государственных деятелей Российской империи второй половины XIX – начала XX в. // *Царскосельские чтения.* 2013. Т. 2, № 17. С. 319-324.
- [Отчет по Государственному Совету..., 1874](#) — Отчет по Государственному Совету за 1872 год. СПб.: тип. Второго Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1874. 462 с.
- [Потто, 1887–1889](#) — *Потто В.А.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1887-1889. В 5 т.
- [ПСЗРИ](#) — Полное собрание законов Российской империи.
- [Рыбаков, 2001](#) — *Рыбаков С.Г.* Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России / Ислам в Российской империи: законодательные акты, описания, статистика. М.: ИКЦ Академкнига, 2001. 367 с.
- [Свод законов..., 1857](#) — Свод законов Российской империи. Издание 1857. Т. XV. Свод законов уголовных. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1857. 964 с.
- [Соллогуб, 1856](#) — *Соллогуб В.А.* Кавказ в восточном вопросе. Тифлис, 1856. 48 с.
- [Ткачев, 1911](#) — *Ткачев Г.А.* Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области / *Труды терского общества любителей казачьей старины.* Выпуск 2-й. Владикавказ. Электротечная Типография Терского Областного Правления, 1911. 156 с.
- [Утверждение русского владычества..., 1901](#) — Утверждение русского владычества на Кавказе. Кн. 7: Том XII / Под ред. генерал-майора В.А. Потто. Тифлис, 1901. 548 с.

- [Хоперская, 1997](#) — *Хоперская Л.Л.* Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе: концепция этнической субъектности. Ростов н/Д: СКАГС, 1997. 144 с.
- [ЦГА КБР](#) — Центральный государственный архив КБР.
- [ЦГА РД](#) — Центральный государственный архив Республики Дагестан.
- [ЦГА РСО-А](#) — Центральный государственный архив РСО-А.
- [ЦГИАГ](#) — Центральный государственный исторический архив Грузии.
- [Цуциев, 2006](#) — *Цуциев А.А.* Атлас этнополитической истории Северного Кавказа (1774-2004). М.: «Европа», 2006. 128 с.
- [Шамаев, 2015](#) — *Шамаев А.М.* Некоторые особенности становления экстремизма в Северо-Кавказском регионе // *Общество: философия, история, культура*. 2015. №1. С. 38-40.
- [Шафранов, 1976](#) — *Шафранов В.П.* К вопросу о формировании адыгейской социалистической народности // *Из истории партийной организации Адыгеи*. Ростов н/Д: РГПИ, 1976. С. 19-57.
- [Ширяев, 1907](#) — *Ширяев В.Н.* Уголовно-правовая охрана религиозной свободы // *Журнал Министерства юстиции*. 1907. № 4. С. 1-62.
- [Barrett, 1994](#) — *Barrett T.M.* The Remaking of the Lion of Dagestan: Shamil in Captivity // *The Russian Review*. 1994. No. 3. Pp. 353-366.
- [Barrett, 1999](#) — *Barrett T.M.* At the Edge of Empire. The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700–1860. Boulder, Oxford, 1999. 264 p.
- [Bleikh, 2014](#) — *Bleikh N.O.* The Influence of Russian Innovator Teachers on the Development of Mountain Dwellers (XIX century) // *Bylye Gody*. 2014. No. 33(3). Pp. 405-409.
- [Erokhin et al., 2023](#) — *Erokhin A.M., Avdeev E.A., Vorobev S.M.* Sociocultural Integration of the Highlanders of the North Caucasus into the Russian Empire in the second half of the 19th century // *Bylye Gody*. 2023. 18(2): 821-829. DOI: 10.13187/bg.2023.2.821
- [Gammer, 1994](#) — *Gammer M.* Muslim Resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan. Frank Cass & Co. Ltd., 1994. 247 p.
- [Jersild, 2002](#) — *Jersild A.* Orientalism and Empire. North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917. Montreal and Kingston: McGill-Queen's University Press, 2002. 288 p.
- [The North Caucasus Barrier..., 1992](#) — *The North Caucasus Barrier. The Russian Advance towards the Muslim World* / Ed. by M. Bennigsen Broxup. New York: St. Martin's Press, 1992. 252 p.
- [Werth, 2001](#) — *Werth P.* At the Margins of Orthodoxy. Mission, Governance and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905. Cornell University Press, 2001. 296 p.

References

- [Alikberov i dr., 2018](#) — *Alikberov, A.K., Bobrovnikov, V.O., Bustanov, A.K.* (2018). Rossijskij islam: Oчерki istorii i kul'tury [Russian Islam: Essays on History and Culture]. М.: IV RAN. 456 p. [in Russian]
- [Barrett, 1994](#) — *Barrett, T.M.* (1994). The Remaking of the Lion of Dagestan: Shamil in Captivity. *The Russian Review*. 3: 353-366.
- [Barrett, 1999](#) — *Barrett, T.M.* (1999). At the Edge of Empire. The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700–1860. Boulder, Oxford. 264 p.
- [Bleikh, 2014](#) — *Bleikh, N.O.* (2014). The Influence of Russian Innovator Teachers on the Development of Mountain Dwellers (XIX century). *Bylye Gody*. 33(3): 405-409.
- [Bliev, 2004](#) — *Bliev, M.M.* (2004). Rossiia i gorcy Bol'shogo Kavkaza na puti k civilizacii [Russia and the mountaineers of the Greater Caucasus on the way to civilization]. М.: Mysl'. 877 p. [in Russian]
- [Burmistrova, Gusakova, 1976](#) — *Burmistrova, T.Iu., Gusakova, V.S.* (1976). Nacional'nyj vopros v programmakh i taktike politicheskikh partij v Rossii: 1905-1917 gg. [The national question in the programs and tactics of political parties in Russia: 1905-1917]. М.: Mysl'. 261 p. [in Russian]
- [Don i Severnyj Kavkaz ..., 1972](#) — *Don i Severnyj Kavkaz v sovetskoj istoricheskoi literature* [Don and the North Caucasus in Soviet historical literature]. Otv. red A.P. Pronshtejn. Rostov-on-Don, 1972. 154 p. [in Russian]
- [Dzidzariia, 1976](#) — *Dzidzariia, G.A.* (1976). F.F. Tornau i ego kavkazskie materialy. [F.F. Tornau and its Caucasian materials]. М.: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury izdatel'stva «Nauka», 130 p. [in Russian]
- [Erokhin et al., 2023](#) — *Erokhin, A.M., Avdeev, E.A., Vorobev, S.M.* (2023). Sociocultural Integration of the Highlanders of the North Caucasus into the Russian Empire in the second half of the 19th century. *Bylye Gody*. 18(2): 821-829. DOI: 10.13187/bg.2023.2.821
- [Gammer, 1994](#) — *Gammer, M.* (1994). Muslim Resistance to the Tsar: Shamil and the Conquest of Chechnia and Daghestan. Frank Cass & Co. Ltd., 1994. 247 p.
- [Gammer, 1998](#) — *Gammer, M.* (1998). Shamil'. Musul'manskoe soprotivlenie carizmu. Zavoevanie Chechni i Dagestana [Shamil. Muslim resistance to tsarism. Conquest of Chechnya and Dagestan]. М.: KRON-PRESS. 512 p. [in Russian]
- [Gasprinskij, 1994](#) — *Gasprinskij, I.* (1994). Russkoe musul'manstvo. Mysli, zametki i nabliudeniia musul'manina [Russian Islam. Thoughts, notes and observations of a Muslim]. V poiskakh svoego puti: Rossiia mezhdru Evropoj i Aziej. Part 1. Moskva. Pp. 297-259. [in Russian]

- GAKK** — Gosudarstvennyj arkhiv Krasnodarskogo kraia [State Archive of the Krasnodar Territory].
- Istoriia Dagestana, 1968** — Istoriia Dagestana [History of Dagestan]. T. 2. M.: Nauka, 1968. 368 p. [in Russian]
- Istoriia narodov..., 1988** — Istoriia narodov Severnogo Kavkaza (konec XVIII v. – 1917 g.). [History of the peoples of the North Caucasus (end of the 18th century – 1917)]. Otv. red. Narochitskii A.L. M.: Nauka, 659 p. [in Russian]
- Jersild, 2002** — *Jersild, A.* (2002). Orientalism and Empire. North Caucasus Mountain Peoples and the Georgian Frontier, 1845–1917. Montreal and Kingston: McGill-Queen's University Press. 288 p.
- Kavkazskij sbornik..., 2006** — Kavkazskij sbornik [Caucasian collection]. M.: Russkaya panorama, 2006. T. 3(35). 384 p. [in Russian]
- Kazem-Bek, 1985** — *Kazem-Bek, M.* (1985). Izbrannye proizvedeniia [Selected works]. Baku. 420 p. [in Russian]
- Khoperskaia, 1997** — *Khoperskaia, L.L.* (1997). Sovremennye etnopoliticheskie processy na Severnom Kavkaze: koncepciiia etnicheskoi sub"ektnosti [Modern ethnopolitical processes in the North Caucasus: the concept of ethnic subjectivity]. Rostov n/D: SKAGS, 144 p. [in Russian]
- Kratkoe opisaniie..., 1888** — Kratkoe geograficheskoe-statisticheskoe opisaniie Terskogo kazach'ego vojska (1888). [Brief geographical and statistical description of the Terek Cossack army]. Tercy. Sbornik istoricheskikh, bytovykh i geograficheskoe-statisticheskikh svedenij o Terskom kazach'em vojske. Vladikavkaz. Pp. 279–287. [in Russian]
- Matveev, 2002** — *Matveev, V.A.* (2002). Separatizm na Severnom Kavkaze: granicy iavleniia na rubezhe XIX–XX vv. [Separatism in the North Caucasus: the boundaries of the phenomenon at the turn of the 19th–20th centuries]. Moskva: Institut etnologii i antropologii RAN, 30 p. [in Russian]
- MVD, 1902** — Ministerstvo vnutrennikh del: Istoricheskij ocherk. 1802–1902 [Ministry of Internal Affairs: Historical sketch]. Sankt-Peterburg, 225 p. [in Russian]
- Nevskaia, Kondrasheva, 2011** — *Nevskaia, T.A. Kondrasheva, A.S.* (2011). Vlast' i reformy na Severnom Kavkaze (konets XVIII – nachalo XX vv.) [Power and reforms in the North Caucasus (late 18th – early 20th centuries)]. Stavropol': SevKavGTU. 392 p. [in Russian]
- Obzor..., 1916** — Obzor Dagestanskoi oblasti za 1915 g. [Review of the Dagestan region for 1915]. Temir-Khan-Shura. [in Russian]
- Otchet po Gosudarstvennomu Sovetu..., 1874** — Otchet po Gosudarstvennomu Sovetu za 1872 god. [Report on the State Council for 1872.]. Sankt-Peterburg, 1874. 462 p. [in Russian]
- Ovchinnikova, 2013** — *Ovchinnikova, E.V.* (2013). Obrazovanie musul'man: vzgliady gosudarstvennykh deiatelej Rossijskoi imperii vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [Education of Muslims: views of statesmen of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Tsarskosel'skie chteniia*. 2(17): 319–324. [in Russian]
- Potto, 1887–1889** — *Potto, V.A.* (1887–1889). Kavkazskaia vojna v otdel'nykh ocherkakh, epizodakh, legendakh i biografiakh [The Caucasian War in selected essays, episodes, legends and biographies]. SPb.: Tip. E. Evdokimova. V 5 t. [in Russian]
- PSZRI** — Polnoe sobranie zakonov Rossijskoi imperii [Complete collection of laws of the Russian Empire].
- Rybakov, 2001** — *Rybakov, S.G.* (2001). Ustrojstvo i nuzhdy upravleniia dukhovnymi delami musul'man v Rossii [The structure and needs of managing the spiritual affairs of Muslims in Russia]. Islam v Rossijskoi imperii: zakonodatel'nye akty, opisaniia, statistika. Moscow. 367 p. [in Russian]
- Shafranov, 1976** — *Shafranov, V.P.* (1976). K voprosu o formirovanii adygejskoi socialisticheskoi narodnosti [On the issue of the formation of the Adyghe socialist nation]. *Iz istorii partijnoj organizacii Adygei*. Rostov-on-Don. Pp. 19–57. [in Russian]
- Shamaev, 2015** — *Shamaev, A.M.* (2015). Nekotorye osobennosti stanovleniia ekstremizma v Severo-Kavkazskom regione [Some features of the development of extremism in the North Caucasus region]. *Obshchestvo: filosofiiia, istoriia, kul'tura*. 1: 38–40. [in Russian]
- Shiriaev, 1907** — *Shiriaev, V.N.* (1907). Ugolovno-pravovaia okhrana religioznoi svobody [Criminal legal protection of religious freedom]. *Zhurnal Ministerstva iusticii*. 4: 1–62. [in Russian]
- Shiryayev, 1907** — *Shiryayev, V.N.* (1907). Ugolovno-pravovaya okhrana religioznoi svobody [Criminal legal protection of religious freedom]. *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. 4: 1–62. [in Russian]
- Sollogub, 1856** — *Sollogub, V.A.* (1856). Kavkaz v vostochnom voprose [The Caucasus in the Eastern Question]. Tiflis, 48 p. [in Russian]
- Svod zakonov Rossijskoi imperii, 1857** — Svod zakonov Rossijskoi imperii [Code of Laws of the Russian Empire]. Izdanie 1857. Vol. XY. Svod zakonov ugolovnykh. St. Petersburg, 1857. 964 p. [in Russian]
- The North Caucasus Barrier..., 1992** — The North Caucasus Barrier. The Russian Advance towards the Muslim World (1992). Ed. by M. Bennigsen Broxup. New York: St. Martin's Press. 252 p.
- Tkachev, 1911** — *Tkachev, G.A.* (1911). Ingushi i chechencev v sem'e narodnostej Terskoi oblasti [Ingush and Chechens in the family of nationalities of the Terek region]. Trudy terskogo obshchestva lyubitelei kazach'ei stariny. Vypusk 2-i. Vladikavkaz. Elektropechnaya Tipografiya Terskogo Oblastnogo Pravlениya. Vladikavkaz, 156 p. [in Russian]

TsGA KBR — Tsentral'nyj gosudarstvennyj arhiv Kabardino-Balkarskoj Respubliki [Central State Archives of the Kabardino-Balkarian Republic].

TsGA RD — Tsentral'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Dagestan [Central State Archive of the Republic of Dagestan].

TsGA RSO-A — Tsentral'nyj gosudarstvennyj arhiv RSO-A [Central State Archive of RNO-A].

TsGIAG — Tsentral'nyj gosudarstvennyj istoricheskij arhiv Gruzii [Central State Historical Archive of Georgia].

Tsutsiev, 2006 — *Tsutsiev, A.A.* (2006). Atlas etnopoliticheskoj istorii Severnogo Kavkaza (1774-2004) [Atlas of the ethno-political history of the North Caucasus (1774-2004)]. M.: «Evropa». 128 p. [in Russian]

Utverzhdenie russkogo vladychestva..., 1901 — Utverzhdenie russkogo vladychestva na Kavkaze [Establishment of Russian rule in the Caucasus]. Book 7: Vol. XII. Tiflis, 1901. 548 p. [in Russian]

Vsepoddannejšij otchet..., 1913 — Vsepoddannejšij otchet za vosem' let upravleniia Kavkazom general-ad'iutanta grafa Voroncova-Dashkova [The most humble report for eight years of governance of the Caucasus by Adjutant General Count Vorontsov-Dashkov]. SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1913. 36 p. [in Russian]

Werth, 2001 — *Werth, P.* (2001). At the Margins of Orthodoxy. Mission, Governance and Confessional Politics in Russia's Volga-Kama Region, 1827–1905. Cornell University Press. 296 p.

Zubov, 1834–1835 — *Zubov, P.* (1834–1835). Kartina Kavkazskogo kraia, prinadlezhashchego Rossii i sopredel'nykh onomu zemel'; v istoricheskom, statisticheskom, etnograficheskom, finansovom i torgovom otnosheniiakh [A picture of the Caucasus region, which belongs to Russia and its adjacent lands; in historical, statistical, ethnographic, financial and trade relations]. V 4 ch. SPb.: Tip. K. Vingebera. Ch. 3. [in Russian]

Российская империя и мусульманское население Северного Кавказа во 2-й половине XIX века: проблемы и успехи интеграции

Евгений Александрович Авдеев ^{a, *}, Алексей Михайлович Ерохин ^a, Сергей Михайлович Воробьев ^a

^a Северо-Кавказский федеральный университет, Российская Федерация

Аннотация. Во второй половине XIX в. на Северном Кавказе продолжается процесс формирования российских государственных институтов, усиливается государственный контроль за мусульманами и повышается качество администрирования. В статье рассматриваются особенности государственного управления горскими мусульманскими народами Кавказа. Анализируются основные подходы к исламу, сложившиеся к середине XIX в. в имперских властных органах, государственная политика и конкретные управленческие решения кавказской администрации. Авторы опираются на широкий круг исследований и архивных материалов. Несмотря на отсутствие единого подхода к конфессиональной политике и отказ от формирования отдельной религиозной организации северокавказских мусульман, в регионе складывается относительно эффективная система государственного управления. Действия администрации исходят преимущественно из принципа веротерпимости и инкорпорирования в российскую элиту мусульманского духовенства, принимаются меры, направленные на обеспечение и соблюдение религиозных прав мусульман, а также на противодействие дестабилизирующему зарубежному влиянию. Среди горских элит возрастает стремление к интеграции и лояльность империи, что проявляется в повышении интереса к российскому образованию, культуре, военной и гражданской службе.

Ключевые слова: Российская империя, Северный Кавказ, мусульманское население, мусульманское духовенство, государственное управление, кавказская администрация, интеграция.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ewg.avdeev@yandex.ru (Е.А. Авдеев)